

Редакционная коллегия
кандидаты исторических наук
И. В. Асеев, П. Б. Коновалов, Д. Д. Нимаев,
доктор филологических наук В. И. Рассадин

Рецензенты
кандидат исторических наук С. С. Миняев,
доктор исторических наук Р. Е. Пубаев

Утверждено к печати
Бурятским институтом общественных наук
СО АН СССР

Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в
Э91 средние века: Сб. науч. тр. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-
ние, 1989. — 185 с.

ISBN 5—02—029033—5.

В сборнике освещаются проблемы этногенеза и этнической истории народов Прибайкалья и Забайкалья в эпоху средневековья. Рассматриваются вопросы корреляции и хронологии средневековых культур, общее и особенное в их развитии, взаимовлияние. На историко-этнографических материалах исследуются хозяйственно-культурные, общественно-политические связи населения Юго-Восточной Сибири с народами сопредельных территорий Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии. Большое внимание уделяется изучению языковых процессов и взаимодействий этносов.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, филологов.

0504000000—833
Э 042(02)—89 217—89, кн. 1

ББК 63.4 + 63.3(2)44 + 63.5(2) + 81

ISBN 5—02—029033—5

© Издательство «Наука», 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

История, культура и языки народов Юго-Восточной Сибири, охватывающей Прибайкалье и Забайкалье (то есть современные Бурятскую АССР, Иркутскую и Читинскую области), давно уже привлекают внимание специалистов. Советскими сибиреведами и востоковедами созданы десятки крупных трудов по истории, культуре и филологии края. Вместе с тем многие проблемы до сих пор не получили должного освещения, а иные находятся лишь в стадии постановки. К числу менее всего разработанных относится проблема средневековой истории края. В 1950—1960-х гг. были изданы обобщающие труды, такие как «История Бурятской АССР», «История Сибири». Но сейчас, когда накоплены новые фактические материалы, настала необходимость пересмотреть и переписать некоторые страницы истории Юго-Восточной Сибири, устранить имеющиеся в ней пробелы.

Предлагаемая читателю книга в какой-то степени преследует эту цель. Она состоит из статей, написанных на основе докладов и сообщений участников научной конференции (1985 г.), посвященной эпохе средневековья в Южной Сибири и Центральной Азии. В них отражается диалектика социального и этнокультурного развития народов и племен Юго-Восточной Сибири за более чем тысячелетний период — с VI по XVII в., хотя в отдельных статьях хронологические рамки исследования шире.

В сборнике представлены труды археологов, историков, этнографов и филологов из Сибири, Средней Азии, Москвы и т. д. Это продиктовано необходимостью комплексного подхода к решению проблемы. Рубрикация книги отражает круг тех направлений, по которым ведутся поиски и по которым достигнуты какие-то результаты. Авторы, оперируя новыми материалами и выдвигая новые концепции, поднимают интересные и очень важные для разработки этногенеза и этнической истории проблемы.

Особенность сборника в том, что в нем представлены диаметрально противоположные толкования территориального и хронологического соотношения археологических памятников и культур тюркских и монгольских племен. Это лишний раз подчеркивает трудность этнической дефиниции памятников археологии, особенно если она касается сложного, динамичного мира кочевых

¹⁴ Дебец Г. Ф. Могильник железного века у с. Зарубино // Бурятияведение. — Верхнеудинск, 1926. — № 2. — С. 14—16.

¹⁵ Архив ЛОИА, ф. 42, д. 236—237.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Талько-Гринцевич Ю. Д. Археологические памятники долины р. Хилка // Тр. ТКОПОРГО. — Иркутск, 1900. — Т. 2, вып. 1. — С. 23—53.

¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 42, д. 235.

¹⁹ Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 59—61.

²⁰ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. — Улан-Удэ, 1970.

²¹ Там же. — С. 94.

²² Там же. — С. 91, 94.

²³ Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кабалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. — Новосибирск, 1981. — С. 64—73; Именохов Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С. 69—86; Именохов Н. В. Средневековой могильник у с. Енхор на р. Джиде // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1987.

²⁴ Данилов С. В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С. 86—91.

²⁵ Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. БКНИИ. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 3. — С. 16—30.

²⁶ Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. — Иркутск, 1979; Ковычев Е. В. История Забайкалья I — сер. II тыс. н. э. — Иркутск, 1984.

²⁷ Ковычев Е. В. История Забайкалья... — С. 15—16.

²⁸ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1984. — С. 97.

²⁹ Ковычев Е. В. История Забайкалья... — С. 25.

³⁰ Кириллов И. И. Восточное Забайкалье... — С. 67; Ковычев Е. В. К вопросу о древних связях племен Забайкалья с тюркоязычными соседями в I тыс. н. э. // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С. 148—156.

³¹ Ковычев Е. В. История Забайкалья... — С. 28; Он же. Могильник железного века у станции Дарасун // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983. — С. 112—123.

³² Ковычев Е. В. История Забайкалья... — С. 31—32.

³³ Кириллов И. И. Восточное Забайкалье... Ковычев Е. В. История Забайкалья...; Немеров В. Ф. Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э. (по материалам погребений) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1981.

³⁴ Кириллов И. И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983. — С. 123—138.

Е. В. Ковычев

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (по археологическим данным)

Восточное Забайкалье являлось центром формирования ряда монголо- и тунгусоязычных племен. Письменные источники не дают возможности реконструировать историю этого края на протяжении эпохи средневековья, поэтому главным источником исторической информации остаются для нас археологические данные, позволяющие судить об особенностях материальной и духовной культуры местного населения в тот или иной период, а также уточнить этнополитическую ситуацию в данном регионе. На основе археологических исследований в свое время выделены различные археологические культуры I — середины II тыс. н. э. Среди них — бурхотуйская (вторая половина I тыс. н. э.) и ундугунская (первая половина II тыс. н. э.), генезис которых связан с племенами тунгусо-монгольской этнической общности. Памятники дарасунской археологической культуры были оставлены племенами забайкальских тюрков, родственных орхоно-селенгинским тюркам и уйгурам эпохи каганатов¹. В последние годы получены данные о контактах местных племен с хуннами Западного Забайкалья и Монголии, с древними кыргызами Южной Сибири, тунгусо-маньчжурскими племенами Приамурья и Приморья на рубеже I и II тыс. Исследованы памятники XVI—XVIII вв., когда в Восточном Забайкалье расселялись буряты и эвенки.

Во второй половине I тыс. до н. э. на территории Восточного Забайкалья проживало прототюркское и протомонгольское население, оставившее памятники культуры плиточных могил. Эти памятники широко распространены в степных и лесостепных районах Восточного Забайкалья и в соседней Монголии. В таежной зоне были выявлены погребения под плоскими каменными выкладками со своеобразным погребальным обрядом и инвентарем. Можно предположить прототунгускую принадлежность этих памятников. Антропологический материал эпохи бронзы из бассейна р. Шилки (Шилкинская пещера)² был отнесен М. Г. Левиным к прототунгусам. Эти племена приняли участие в формировании бурхотуйской культуры.

В конце I тыс. до н. э. прекращает свое существование культура плиточных могил. Самые поздние плиточные могилы датируются не позже II в. до н. э., затем в Восточном Забайкалье распространяются курганные погребения. Изменяются ориентация погребенных в могилах и облик материальной культуры. В наибо-

лее ранних погребениях такого типа очень много вещей, аналогичных хуннским, хотя по ряду признаков (конструкции погребальных сооружений, общий облик погребального инвентаря) они отличаются от хуннских захоронений³. Судя по всему, это были племена, отличные в этническом плане от хуннов.

Из письменных источников известно о перемещении на север монголоязычных племен дунху после разгрома их в 209 г. до н. э. хуннами. По-видимому, потомки племен дунху, ассимилировавшие или уничтожившие местные племена культуры плиточных могил, и создали культуру конца I тыс. до н. э. в Забайкалье. В источниках они названы «сяньби» — «от гор получившие название». Сяньби выступали как противники хуннов, поэтому хуннских могильников в Восточном Забайкалье не обнаружено. Известны лишь отдельные погребения (из окрестностей пос. Агинское и ст. Дарасун), в то время как в Западном Забайкалье и в Монголии хуннские памятники многочисленны.

Памятники первых веков н. э. обнаружены в степном Поононье⁴, которое, по-видимому, контролировалось хуннами. Основная же масса сяньби расселилась на границе степи и тайги, в бассейнах Шилки и Аргуни, а может быть и в верховьях Амура.

В конце I в. н. э. сяньби разгромили хуннов и начали переселяться на юг. Но часть из них, по-видимому, осталась в Забайкалье и продвинулась вниз по Амуру, где возникла культура амурских мохэ⁵. Близкая ей, но в целом достаточно своеобразная бурхотуйская культура сформировалась на территории Восточного Забайкалья⁶. Обе культуры имеют свои особенности, что объясняется сложным этническим составом стоящих за ними этносов и влиянием окружающих народов. Бурхотуйскую культуру исследователи связывают с племенами шивэй, в составе которых источники называют до десяти больших родов или аймаков⁷. «Бурхотуйцы» обитали ближе к тюркам Западного Забайкалья и Монголии и многое восприняли от них. Однако основа их культуры сложилась в результате смешения двух этносов — монгольского и тунгусского. Среди предметов быта, вооружения, украшений бурхотуйской культуры имеются аналогичные мохэским и тюркским. Что касается керамики, наконечников стрел, костяных накладок на лук, колчаных крючков, железных шильев, поясных пряжек, браслетов, серезек, то они вполне своеобразны.

В бурхотуйских погребениях умершие лежат в грунтовых ямах или в каменных ящиках. Ориентированы погребенные головой на запад-северо-запад. В могильнике Ононск I найдено погребение собаки с конскими удилами. Этот обычай характерен для древнемонгольских племен сяньби и ухуань. Собака и лошадь у них участвовали в погребальном обряде и «сопровождали душу умершего на тот свет», после чего их убивали. Эти данные, полученные в ходе изучения бурхотуйских памятников, позволяют наряду с тунгусским (амурско-шилкинским) выделить в составе шивэйских племен и древнемонгольский (сяньбийский) компонент. В источниках указывается на разнородность шивэйского этниче-

ского союза, в котором были племена, близкие по языку и культуре амурским мохэ и племена с другим языком и обычаями⁸.

После исследования памятников дарасунской культуры, отличной от бурхотуйской, выяснилось, что она оставлена древними тюрками. В могилах дарасунской культуры умершие лежат на боку, в скорченном положении, головой на восток, северо-восток или на север. В погребальном инвентаре древних тюрков устойчиво повторяется набор вещей, традиционных для тюркоязычных культур соседних районов. Показательно, что керамика в памятниках дарасунской культуры также лишь изредка встречается в забутовке могильных ям и имеет своеобразную форму — чаще всего баночную⁹.

Среди восточно-забайкальских памятников I тыс. до н. э. нет истоков этой обрядности, хотя подобный обряд (включая скорченное положение погребенных на боку и ориентацию их по сторонам света) был типичен для памятников эпохи неолита и ранней бронзы. Однако на территории Западного Забайкалья, в районе озер Исинга и Харга, принадлежащих уже к бассейну Витима, исследованы в 1974 г. Л. Г. Ивашиной аналогичные погребения, содержавшие скорченные костяки¹⁰. Как и в погребениях, относящихся к дарасунской культуре, умершие уложены на правом боку головой на восток-северо-восток. Обнаруженный в погребениях инвентарь позволяет предварительно датировать их хуннским временем. Не исключено, что в будущем такие погребения будут найдены и в Восточном Забайкалье, тем более, что одно из них, относящееся к этому же времени, исследовано А. П. Окладниковым в 1965 г. у с. Чиндант, на Ононе¹¹. Как в чиндантском, так и в западно-забайкальских погребениях инвентарь имеет аналогии в комплексах хуннов и культуры плиточных могил. Однако эти особенности не определяют облика дарасунской культуры, поскольку она сформировалась на иной основе.

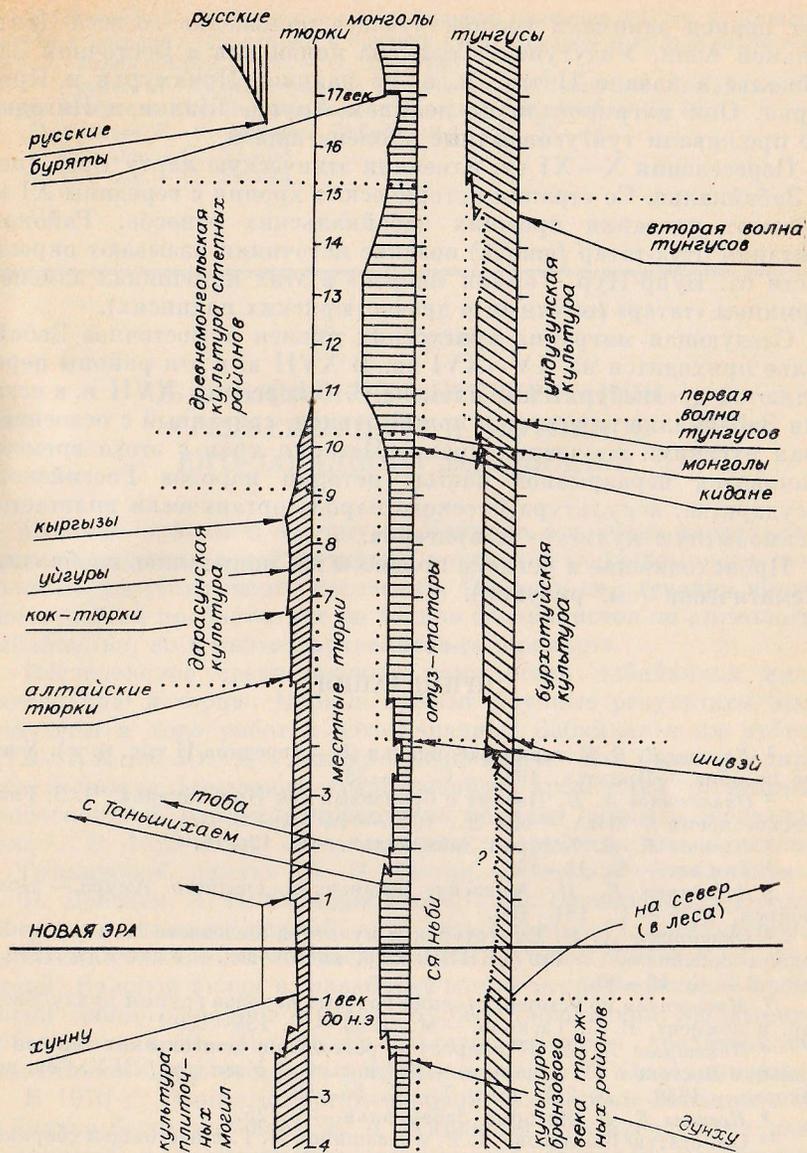
Инвентарь дарасунских погребений Восточного Забайкалья типичен для древних тюрков по всей зоне их обитания. По-видимому, дарасунские племена были частью древних тюрков Западного Забайкалья, Монголии и Южной Сибири. В послехуннскую эпоху группа древних тюрков проникла на территорию Западного и Восточного Забайкалья и создала памятники дарасунской культуры. Поэтому Забайкалье необходимо рассматривать как один из районов формирования племен древнетюркской культуры. Известные особенности дарасунской культуры обусловлены влиянием соседних монгольских и тунгусоязычных племен, в том числе и бурхотуйской культуры, памятники которой располагаются чересполосно с дарасунскими. Такие смешанные могильники известны сегодня в бассейнах Онона, Ингоды и Шилки, причем большинство дарасунских погребений, входящих в их состав, женские. Данное обстоятельство может указывать на характер взаимоотношений между двумя этими группами племен, при которых бурхотуйские племена брали в качестве брачных партнеров женщин из дарасунских племен. Дарасунские погребения составляют в

пределах могильников не более 10—15 %, а некоторые из них не имеют погребального инвентаря.

Взаимоотношения между тунгусо-монгольскими (бурхотуйскими) и древнетюркскими (дарасунскими) племенами связаны с общим контекстом исторических событий в Центральной Азии. Забайкальские племена вовлекались в орбиту кочевых держав, возникавших в степях Центральной Азии на протяжении всего I тыс. н. э. В древнетюркских эпитафиях забайкальские племена показаны противниками правящих в степи династий¹². Однако если по отношению к древнетюркским каганатам забайкальские кочевники (байырку, токуз-огузы, огуз-татары) составляли единую оппозицию¹³, то в эпоху существования уйгурского государства в оппозицию входили лишь восточно-забайкальские племена огуз-татар¹⁴ (шивэй). Западно-забайкальские токуз-огузы приняли активное участие в организации древнеуйгурского государства, в котором им принадлежала ведущая роль. В IX в. между огуз-татарами (шивэй) и токуз-огузами возникли союзнические отношения, поскольку после разгрома уйгуров кыргызами большая группа токуз-огузов попыталась найти защиту у больших шивэй¹⁵, которые проживали на территории Восточного Забайкалья¹⁶.

Имеются археологические материалы, свидетельствующие о проникновении в Забайкалье древних тюрков, уйгуров и кыргызов¹⁷. В инвентаре погребений конца I — начала II тыс. заметно усиливаются следы контактов с приамурскими племенами, в том числе с чжурчжэнями. Это проявилось в распространении наконечников стрел своеобразной удлинненно-доловитоидной формы, с пропилами в основании перьев, решетчатых бронзовых блях с крестообразными распорками и бронзовых серег овальной формы, с уплощенными висюльками, каплевидными отростками и иногда также с разделенными внутри решетками. В погребальной обрядности появляются черты, характерные для древнемонгольских памятников (слабые надмогильные выкладки, вытянутая форма положения умерших, с ориентацией их головой на север, северо-восток и восток, происходит замена глиняных сосудов отдельными частями жертвенных животных и т. д.).

Эти явления связаны с новой миграцией кочевых племен из районов Приамурья и Северной Маньчжурии. Это была миграционная волна древних монголов. Районами расселения монголов до прихода в Забайкалье и Монголию исследователи считают Южное Приамурье и Северную Маньчжурию¹⁸. Начало переселения их в Забайкалье относится к концу X — началу XI в. Этим временем датируются по китайским монетам наиболее ранние погребения монголов¹⁹. Миграция монголов осуществлялась под давлением киданей и феодальных порядков в империи Ляо²⁰. К началу XII в. монголы ассимилировали местное население, расселившись по территории всего Забайкалья. Археологические материалы фиксируют существование практически единого монгольского погребального обряда. Исключение составляют лишь памятники

Примерное соотношение этнических групп Восточного Забайкалья в IV—XVIII вв. (по данным археологии).

Зигзаг означает отсутствие точных данных, стрелки указывают направление движения племен и народов.

лесостепной и таежной зон, где сформировалась так называемая ундугунская культура XII—XV вв.²¹ Ее создали тунгусские племена. Необходимо отметить сильнейшее воздействие на ундугунскую древнемонгольскую культуру. Монгольские племена в

этот период занимали господствующее положение во всей Центральной Азии. Ундугунские племена появились в Восточном Забайкалье в начале II тыс. н. э. из районов Приамурья и Приморья. Они мигрировали по долинам Амура, Шилки и Ингоды, где проживали тунгусоязычные племена шивэй.

Переселения X—XI вв. изменили этническую карту Восточного Забайкалья. Со страниц исторических хроник с середины XI в. исчезают названия прежних забайкальских этносов. Районом обитания отуз-татар (шивэй) поздние источники называют окрестности оз. Буйр-Нур. Термин «шивэй» в этих источниках заменен термином «татар» (обычным в древнетюркских надписях).

Следующая миграция тунгусских племен в Восточное Забайкалье приходится на XV—XVI вв. В XVII в. в эти районы переселяются древнебурятские племена²². С середины XVII в. в истории Забайкалья начинается новый период, связанный с освоением края русскими землепроходцами. История края с этого времени становится неразрывной частью истории народов Российского государства, а культура русского народа органически вплетается в самобытную культуру аборигенов.

Происходившие в регионе процессы мы попытались изобразить схематически (см. рисунок).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ковычев Е. В. История Забайкалья (I — середина II тыс. н. э.): Учебное пособие. — Иркутск, 1984. — С. 31—33.

² Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3: Глазовское время // МИА. — М.; Л., 1955. — № 43. — С. 9.

³ Ковычев Е. В. История Забайкалья. — С. 12—16.

⁴ Там же. — С. 12—14.

⁵ Деревянко Е. И. Мохэские памятники среднего Амура. — Новосибирск, 1975. — С. 181—184.

⁶ Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. БКНИИ. Сер. востоковед. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 3. — С. 16—30.

⁷ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху/Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. — М., 1984. — С. 138—139.

⁸ Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. н. э. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. — 1958. — № 256, вып. 7. — С. 54—58.

⁹ Ковычев Е. В. История Забайкалья. — С. 25.

¹⁰ См. статью Кызласова Л. Р. и Ивашиной Л. Г. в настоящем сборнике.

¹¹ Ковычев Е. В. История Забайкалья. — С. 12—13.

¹² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951. — С. 34—43, 65—69.

¹³ Ср.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М., 1967. — С. 281, 296, 314 и след.

¹⁴ Там же. — С. 374, 376.

¹⁵ Там же. — С. 431.

¹⁶ Окладников А. П. Древнее Забайкалье. Культурно-исторический очерк // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2: Забайкалье. — Новосибирск, 1975. — С. 19.

¹⁷ См.: Ковычев Е. В. История Забайкалья. — С. 28—34.

¹⁸ Кычанов Е. И. Монголы в VI — первой половине XII вв. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии. — Новосибирск, 1980. — С. 136—148.

¹⁹ Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. — Новосибирск, 1981. — С. 79.

²⁰ Ковычев Е. В. История Забайкалья. — С. 39—41.

²¹ Там же. — С. 52—58.

²² Там же. — С. 59—74.

Ю. С. Худяков

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Степные районы к востоку от Байкала в течение длительного времени служили зоной активных контактов тюркоязычного, монголо- и тунгусоязычного населения. Поэтому не случайно внимание к данной проблематике не только специалистов по археологии Забайкалья, но и многих археологов-сибиреведов.

Исследование средневековых памятников Забайкалья имеет длительную историю. Первые важные научные результаты были получены в ходе работ в Юго-Западном Забайкалье на рубеже XIX—XX вв. Ю. Д. Талько-Грынцевичем. Им была предпринята попытка выделения средневековых древностей, к которым необоснованно относили «плиточные могилы» раннего железного века¹. В 1920-х гг. средневековые погребения исследовались в Тункинской долине Б. Э. Петри, в долине р. Селенги — Г. Ф. Дебецем, А. П. Окладниковым, Г. П. Сосновским². Последнему принадлежит первый опыт классификации средневековых памятников Забайкалья, введенный в научный оборот Е. А. Хамзиной. Важный вклад в разработку вопросов средневековой археологии данного района внесла Бурят-Монгольская экспедиция, работавшая в 40—50-х гг. Результаты изучения средневековых памятников были частично использованы А. П. Окладниковым³.

В 1970 г. данные по средневековой археологии Западного Забайкалья были обобщены Е. А. Хамзиной. Ею предложена классификация и периодизация памятников «поздних кочевников» данного района, в которой уточнены положения Г. П. Сосновского⁴. В последние десятилетия новые материалы по средневековой археологии дали раскопки Л. Г. Ивашиной, П. Б. Коновалова, Н. В. Именохоева, И. В. Асеева, И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева, Е. А. Хамзиной, С. В. Данилова⁵. Обращались к данной проблематике Л. Р. Кызласов, Д. Г. Савинов⁶ и другие исследователи.

Отмечая усиление интереса к проблемам средневековой археологии Забайкалья, интенсификацию полевых работ, увеличение